

Бабич И. В. (Москва)

СОРОК ПЯТЫЙ БОЙ ГЕНЕРАЛА ФЕДОРА ГАВРИЛОВИЧА ЧЕКИНА

«...Что значит собственно родные».

А. С. Пушкин

ЛУЧШИМ ВРЕМЕНЕМ в восприятии большинства ветеранов Северной войны, как свидетельствуют во множестве сохранившиеся их «сказки», своего рода автобиографии, дававшиеся служилыми чинами на протяжении карьерного поприща, было боевое прошлое. Главный сюжет нарратива — память о том, как лихо «сбили», «порубили», «взяли». Глаголы во множественном числе нередко употреблялись в качестве сказуемого, успехи воспринимались как результаты коллективных усилий «со своей братьею». Едва ли не главными приметами «штатского» периода жизни становились разного рода неурядицы — приказные хлопоты, нападения воровских людей, притеснения «сильных» соседей. И каждый оказывался с «мирными» трудностями один на один.

В русло подобной колее в целом уложилась и жизнь генерал-лейтенанта Федора Гавриловича Чекина. В статье Н. Тычино из «Русского биографического словаря»¹ он квалифицируется как «второстепенный деятель» петровской эпохи и следующих царствований, сведения о котором «скудны и отрывочны». Спустя столетие тщательно составленную справку почтенного издания не удастся расширить до полноценного жизнеописания, несмотря на воссоздание истории деятельности тех временных учреждений, которыми Ф. Г. Чекин заведовал². По-прежнему точно известна дата его смерти, 2 марта 1741 г., но не год рождения.

Обнаруженные в фонде Сената материалы об одном из эпизодов внеслужебной биографии генерала, конфликте

с племянницей Анисьей³, — это не только «сор, вынесенный из избы». Это и возможность увидеть историческое лицо в перекрестном свете норм, повседневных практик эпохи и его персональных особенностей. Степень изученности жизненного уклада того времени не позволяет определить, был ли происшедший скандал ординарным или исключительным. Вместе с тем сохранившиеся бумаги интересны с точки зрения реконструкции взглядов на родство, «шляхетскую» честь, а также на взаимоотношения разных поколений офицерских семей. Они дают представление и о том, как непросто было военному, привыкшему безусловно подчиняться лишь старшим по званию и также командовать младшими, адаптироваться к условиям «гражданки».

Источники данных, приводимых в РБС, включают упоминания о Ф. Г. Чекине по разным поводам в трудах И. И. Голикова (11 раз), С. М. Соловьева (7 раз), а также в «Полном собрании законов» (17 раз), в «Докладах и приговорах, состоявшихся в Правительствующем Сенате...» (11 раз). При этом его имя, сохранившееся «в титрах» исторической ленты, встречается в эпизодах, а не в ключевых сценах эпохи, и заметность, в основном, достигается частотой попадания «в кадр».

Знаменательно, что сам Ф. Г. Чекин, давая в рамках масштабной общеармейской кампании по сбору сведений о службе офицеров в феврале 1720 г. сказку, подвел итог своей военной службе (куда он вступил добровольно в 1698 г.) с использованием «количественного метода». Он «сказал» о себе: «...был генерал-майор Чекин в 7 генеральных баталиях, при атаке 3 городов, в 2 акциях, в 5 походах, в 27 партиях, всего в 44 местах»⁴. Такой прием характеристики, напоминающей заполнение таблицы, среди более чем 4000 опубликованных сказок генералитета и офицеров полевой армии встречается лишь однажды. Итог по приведенным сведениям двух категорий — «класс» события и число боевых эпизодов, точно совпадает.

Способность и склонность к инвентаризации стала и залогом первого карьерного успеха Ф. Г. Чекина. Всего через год службы он был произведен из капралов в полковые каптенармусы. Молодой драгун, едва вступив в службу, получил под свою ответственность большое и сложное полковое хозяйство с его «вещами» разного «звания». Из всех упомянутых чинов производств точно датируются подателем сказки только три: в бригадиры (2 октября 1708 г.), в генерал-майоры (17 декабря

1713 г.) и в каптенармусы. Помечена дата назначения — 30 февраля 1699 г. Такое курьезное, по сегодняшним меркам, обозначение проявляет способность принять новые реалии (за редким исключением русские офицеры, в отличие от иноземцев на русской службе, отсчитывали время вплоть до введения нового календаря по старому стилю). Что до 30 февраля, то неясно, была ли неосведомленность о числе дней в феврале пробелом выучки самого Ф. Г. Чекина, которую недосуг было восполнить, или речь шла об ошибке в приказе, которая обсуждению не подлежит. Как бы то ни было, цифры не стали проблемой: с должностью, связанной и с материальными средствами, и с отчетностью, Ф. Г. Чекину удалось справиться. Чуть более года спустя состоялось новое производство — в полковые квартирмейстры. Именно в этом качестве он принял тяжелое для русской армии боевое сражение у Нарвы. В следующем году стал капитаном.

В службе «под командою и командиром»⁵ Ф. Г. Чекин был неизменно удачлив. За битву при д. Лесной он был произведен в бригадиры и вплоть до конца войны координировал деятельность драгунских полков в Финляндии.

Помимо участия в боевых походах — «как в лете, так и зимою», на нем лежала ответственность за состояние нескольких тысяч людей и лошадей. Доклады Ф. Г. Чекина в течение 1717—1718 гг. на имя А. Д. Меншикова включают перечень неудачных распоряжений других командиров (вроде позволения комендантом Выборга И. М. Шуваловым не отбирать у местных жителей семенной хлеб, а «в здешних местах» при «нескором» росте трав это ведет к бескормице лошадей и бедственному состоянию драгун, так что «многие ...дни по два и по три хлеба не ели»), детальный обзор нужд вверенных ему войск, где иные ходят в «серых кафтанах и в лаптях», ссылки на несравненно более благополучное состояние частей в соседней местности. Завершаются они неизменно опасениями взыскания за возможный ущерб, по причине независящих от Ф. Г. Чекина обстоятельств, негативное воздействие которых можно преодолеть в случае надлежащих распоряжений руководства⁶. В целом эти пространные донесения представляют их автора как опытного командира, но мало дают для его личной характеристики. Атрибут военной рутины, эти бумаги, безусловно, представляют лишь рачительного хозяина, понимающего насущные нужды вверенного ему контингента и готового активно добиваться их удовлетворения.

Два ранения (в 1702 г. в «баталии» против Шлипинбаха и в «акции» 1703 г. против Крониорта) и то, что пуля «осталась в плече» не помешали карьере, отмеченной захватом пленных, пребыванием «по очередям с своею братьею в апрошах и ... на караулах» в «Литовских городах», Курляндии, Вифляндии, атаке Каянбурга, за что был пожалован двумя месячными окладами («которые и по се число не выданы»)⁷. В то же время по позднейшим его подсчетам, будучи при заготовке «провианта и фуража из неприятельской стороны...учинил прибыли государству ... триста тысяч»⁸. Сам по себе пример выслуги неродовитого, не слишком богатого⁹, не попавшего в гвардию драгуна из рядовых в генералы, даже и в военное время исключителен. Ф. Г. Чекин оказался не только удачливым, но и своего рода образцовым кавалеристом — в каждое время и в каждом месте.

В 1722—1725 гг. Ф. Г. Чекин был выбран в число 10 наделенных особым доверием верховной власти персон, руководивших проведением Первой ревизии. Он отвечал за проверку результатов переписи (1719—1721 гг.) и расположение полков, которые должны были содержаться на подушную подать в Архангелогородской губернии. Помимо учета тысяч плательщиков (по итогам работы канцелярии к 1727 г. это число составило около 376 000), приходилось решать, запрашивая дополнительные распоряжения Сената, вопросы о записи в оклад категорий населения, податной статус которых вызывал колебания законодателей, расследовать факты «утайки душ», штрафовать уличенных в нарушениях. В 1726—1727 гг. Ф. Г. Чекин осуществлял ликвидацию недоимок подушного и других сборов, проверял деятельность провинциальных учреждений в Казанской и Астраханской губерниях, командовал драгунскими полками на Черемшанских форпостах, рубеже, охраняя от набегов, не замиренных еще калмыков и башкир, и одновременно Казанским гарнизоном и «закамскими пригородными» солдатами, организовывал отправку рекрутов и казны в Низовой корпус, командировался на Царицынскую линию.

Деятельность Ф. Г. Чекина была отмечена, в 1725 г. (по другим данным, еще в 1722 г.)¹⁰ он был произведен в генерал-лейтенанты. Однако указание в челобитной 1733 г. на то, что он «против своей братьи ничем не награжден», было не лишено оснований, так как награждения рангом Ф. Г. Чекин при выходе в отставку не получил. Возможно, это обстоятельство связано с тем, что успешности в исполнении всех возложенных на него поручений,

усердию и инициативности¹¹ сопутствовала репутация скандалиста, на которого «все жалуются». Жители Казанской губернии обвиняли его во взятках и незаконных поборах¹². С. А. Салтыков, давая парадный обед в годовщину коронации (1732 г.), пенял на неприличное поведение Ф. Г. Чекина, который «перебирал» поданные вина, находя их недостаточно тонкими, потом толкнул герольдмейстера П. Т. Квашнина-Самарина, так что у того слетел парик, и, наконец, «прибил» одного из гостей¹³. Быть может, репутация Ф. Г. Чекина помешала и его утверждению на высокие гражданские посты (президента в камер-, ревизион- либо юстиц-коллегии — должности одновременно оказались вакантными в июле 1733 г., белгородского губернатора в январе 1734 г., смоленского губернатора в марте 1735 г., сибирского губернатора в январе 1736 г., главы Сысского приказа в апреле 1736 г., архангелогородского губернатора в июле 1738 г., директора Монетной канцелярии в июле 1740 г.), куда после отставки от военной службы¹⁴ в августе 1730 г. он, в соответствии со своей высокой позицией в чиновной иерархии, был среди других кандидатов представлен¹⁵.

Ряд тяжб с соседями по имениям стал основанием для замечаний современников о том, что он «живет» в Вотчинной коллегии¹⁶. Среди приобретений были и купленные имения, и доставшиеся Ф. Г. Чекину по закладным (в том числе от графини М. А. Шереметевой, сержанта лейб-гвардии Преображенского полка И. А. Нарышкина). Кредитором он явился неуступчивым. Вопреки первоначальному обещанию подождать с платой процентов по долгу (2530 р.) М. А. Долгорукой, «видя ее в ...худом состоянии» (под арестом) стал принуждать вернуть немедленно всю сумму. Не получив требуемого, тут же «справил» недвижимость за собой. Челобитная императрице с просьбой позволить детям княгини выплачивать проценты на первоначальных условиях была удовлетворена, и Ф. Г. Чекину пришлось от имения отказаться¹⁷. Неудачей для него обернулась и более ранняя попытка выкупить «родственную... деревнишку», «для крайней нужды» проданную вдовой его дяди¹⁸. Примечательно, что сигналом к попытке заполучить деревню стал, как и в случае с М. А. Долгорукой, момент предельной уязвимости объекта. Покупатель теткой «деревнишки» Савва Попцов в то время, когда был поднят вопрос о возвращении «родственной» собственности, содержался под караулом (и впоследствии был казнен).

Разбирательство затянулось, в итоге Ф. Г. Чекину вернули внесенные им деньги, но недвижимость он не получил. В обоих случаях для достижения собственной выгоды использовались абсолютно законные средства.

Однако и превышая пределы законных норм, Ф. Г. Чекин «не забывался», умел остановиться на грани, отделяющей превышение полномочий от прямого преступления закона. Приняв от населения деревень Казанского уезда, просивших об освобождении от постоя, лисиц, куниц, гусей, около 250 пудов овса, он драгунские части отнюдь не «свел». Таким образом, ущерб государственному интересу не произошло, а добровольность «подношений» трудно было оспорить (что не противоречило и показаниям пострадавших, признававших, что «принуждения в том приносе» не было)¹⁹. Мирный быт генерал так же, как и военные задачи рассматривал в координатах «расчета и отваги». Именно так он поспособствовал свойственнице, некогда доверенному и близкому к Екатерине I лицу, «девице Анисье» Толстой в ее споре с соседями по казанскому имению. Ф. Г. Чекин одного из представителей противной стороны, находящегося на действительной службе вахмистра А. Мертвцова, «пред себя взял» и в своей канцелярии велел бить «батожьями дважды, насмерть», после чего потерпевший принужден был уступить землю Толстой и «купчую дал, и приложил руки к той купчей за многих, заочно, будто взяли за оную землю 10 руб.». Однако за это, пусть и добровольное исполнение его воли генерал освободил вахмистра вне надлежащего порядка, без смотра высших командиров, от службы и отпустил в дом²⁰. Таким образом, дело было решено с использованием силы, но при этом оформлено приобретение собственности с внешним соблюдением законных норм.

Аналогичный подход в решении «родственного» вопроса, не материального, но этического свойства, Ф. Г. Чекин попытался применить и тремя годами позднее в отношении своей племянницы. Однако в этом случае ему пришлось получить отпор, равный по энергичности его собственному.

Факты, признанные обеими сторонами конфликта, таковы. «Девка» Анисья после смерти родителей проживала самостоятельно²¹ в деревне, неподалеку от дяди, который бывал в имении наездами. В 1731 г. во время одного из таких посещений он в силу слухов сделал заключение о неподобающем поведении племянницы, повелел «людям» привезти ее к себе, выпороть в своем

присутствии и не отпускать к ней в дом. После отъезда четы Чекиных Анистья сбежала. Своего главного непосредственного обидчика, доставившего ее к дяде, она сдала в рекруты. Затем добралась до Переславля-Залесского и на «штабном дворе» подала челобитную, вытребовала воинскую команду для сыску (сбежавших от ее гнева) двух других выступивших на враждебной стороне «людей», после этого отправилась в Москву, где (в 1732 г.) подала в Сенат челобитную «в бесчестье и бое»²².

Дело было решено согласно действующим еще с Соборного уложения 1649 г. нормам, предусматривавшим выплату компенсации пострадавшей дворянской дочери-девице в размере четырехкратного годового жалованья отца за каждую из «обид» («бесчестье» и «бой»). Сумму определили в 2400 рублей. Ф. Г. Чекин сгоряча заявил, что подобными деньгами не располагает и «пусть, де, ценят деревни». Вторично явившегося с требованием ответить по иску канцеляриста он отказался пустить за порог. По зрелом размышлении, генерал счел положение достаточно серьезным и, пренебрегая данным 13 февраля 1733 г. обязательством не покидать Москвы до завершения дела, отправился в Петербург. Впоследствии он объяснял это тем, что видел «на себя посяшку и непорядочное произвождение»²³. В апреле чиновники снова явились в его московский дом на Покровке²⁴. Получив от жены сообщение об отсутствии хозяина, поехавшего, по ее словам, собирать деньги, опечатали имущество, лишив обитателей доступа «к запасам и питьям». Ф. Г. Чекин в челобитной императрице отмечал, что в случае признания виновности «может заплатить племяннице бесчестье и кроме двора своего», двор же опечатан без надлежащего взятия с него «сказки» об отсутствии возможности уплаты²⁵. Сенат, рассмотрев ходатайство, вынес определение о снятии ареста с имущества вплоть до окончания нового, по надлежащей форме, рассмотрения дела²⁶.

Камнем преткновения в споре, казалось, могло стать именно родство истицы и ответчика. Ф. Г. Чекин считал наказание племянницы домашним делом: сирота Анистья «его родного меньшего брата» дочь. Наказание же младших членов семьи не считалось бесчестьем. Как преступление квалифицировался сам факт челобитья детей на родителей²⁷. Однако официальные инстанции аннинской эпохи силовые действия в отношении дочери брата приравнивали к оскорблению неродственного свойства. Колебания во взглядах на примат рода или нуклеарной семьи (очевидные даже

при беглом просмотре актов в «Полном собрании законов, регулирующих имущественные права женщины во второй половине XVII — начале XVIII в.») смещались в сторону сугубо вертикального учета родства.

Соответственно, предметом разбирательства стал не самый факт взыскания, а исключительно уточнение исковой суммы и подтверждения статуса умершего в 1726 г. отца Анисьи. По справке подтвердилось, что майор Артамон Чекин умер на службе в крепости на Царицынской линии. В качестве основы вычислений суммы штрафа приняли штатную табель, действующую в момент разбирательства дела, игнорируя свидетельство ответчика о том, что покойный брат его более ста сорока рублей в год не получал.

Ф. Г. Чекин пытался обосновать правомерность своего поступка тем, что он защищал дворянскую честь: племянница его «непотребная и ведет себя не как надлежит шляхецким дочерям». Некогда она бежала из «нашей опчей деревнишки от отца своего» «с непотребною матерью своею» и «таскалась» лет пять. Лишь после смерти Артамона Чекина его жена с дочерью приехали в пригород Старошесминск, где тогда пребывал на «квартире» Лука Чекин, их сын и брат, служивший под началом дяди, как некогда его отец.

Лука выступил ходатаем за женщин. Вняв просьбе, генерал «пустил» родственниц в «нашу обчую деревнишку». Жена брата вскоре умерла, а Анисья стала ездить «по городам и по кабакам», водить кампанию с холостыми дворянами и поповичами, сваталась своевольно «за поповичев замуж», людей своих била и голодом морила, «мотала» имущество. Так что дядя, узнав об этом от «своего» человека из деревни, просто вынужден был «унять». Отпускать же «непотребную» было нельзя, так как ввиду «сумасбродности» жить самостоятельно она не может. Эти меры рассматривались им как долг «по крови» и не преследовали никакой корысти, он ничего из той деревни не брал и «прочил им же»²⁸ (Анисье и ее брату. — *И. Б.*). Примечательно, что в 1739 г. при подаче наряду с другими чинами Канцелярии Московского набора драгунских лошадей «ведения» о недвижимости в деревнях («собственных и жениных»), этой деревни Ершники Ростовского уезда в перечне, включающем 23 наименования, он не упомянул²⁹. Зато упомянута она в купчей, совершенной на имя Луки Чекина его (Луки) женой в сентябре 1741 г. При этом продавали свои

«указные части» в Ершниках наследницы И. Ф. Ковердаева, ни одним из участников конфликта не упоминавшегося. Ершники, имели нескольких владельцев³⁰. Лука воспользовался оказией, чтобы увеличить свою долю в собственности. Сделал же он это лишь после смерти дяди.

Анисья называла Ершники «деревней отца» своего. В ее версии инцидента «люди» дяди взяли ее с постели в одной рубашке, «ругательски» били и таскали за волосы, доставили в его вотчину, село Иванисово, и определили под караул. Ф. Г. Чекин, называя ее непристойными словами, снял с нее телогрею и велел людям своим «ростеня» вчетвером бить батогами. Анисью порол «в шесть перемен», потом заперли в грязной холодной избе, где псари собак кормят. Там она лежала какое-то время без сознания. На другой день жена Ф. Г. Чекина по его указанию пришла к пленнице и, сняв с нее рубашку, опрыскивала водкой «спину, бока и брюхо». Наказанная оставалась под караулом, получая от старосты по ломтю хлеба с водой в день. Дядю не тронули ни просьбы самой Анисьи, ни увещевания причащавшего арестантку священника. Так прошло «с полгода» (по версии Ф. Г. Чекина, «месяца с два»). Болезнью и содержанием в неволе она объясняла отсутствие «явочной» челобитной, необходимой для освидетельствования «боя»³¹.

Учинение расправы на дворе обидчика выступало, согласно Уложению, отягчающим обстоятельством. Не в пользу Ф. Г. Чекина свидетельствовало и раздельное проживание участников конфликта (принимавшееся во внимание даже в случае ссылки супруга). Останется неизвестным, были ли учтены все эти факторы, рассказ Анисьи о жестоком обращении, какие-то иные доводы, которые она смогла привести, общая осведомленность о горячем нраве Ф. Г. Чекина или знакомая каждому служащему статья петровского воинского устава, поясняющая, что «насилие все одно есть насилие», идет ли речь о нравственной или беспутной женщине.

Итак, доводы Ф. Г. Чекина в пользу укрощения потерявшей стыд родственницы, остались без внимания. Внимания же удостоились его замечания о нарушении порядка судопроизводства: ответчику не дали с челобитной выписки, «как указы повелевают». Речь шла об указе 1723 г. о форме суда, предусматривающей изложение дела обеими сторонами конфликта «в пунктах» и предоставлении ответчику списка с «пунктов» за неделю до

судебного разбирательства, состоящего в разборе, «очищении» дела пункт за пунктом в ходе словесных показаний истца и ответчика перед судом.

Так как этот порядок не был соблюден, Сенат признал дело решенным без суда. В октябре 1733 г. последовало сенатское определение, сохранившееся в двух редакциях. В первой из них предписывается «дать вновь суд» в Судном приказе. Во второй, сам суд переносится в Петербург, в юстиц-коллегию³², а московская юстиц-контора признается подлежащей штрафу за нарушение формы. В конце декабря 1733 г. Ф. Г. Чекин, заручившись указом из Рекетмейстерской конторы о невзимании с него иска вплоть до решения суда, ходатайствует о выдаче паспорта для возвращения из Петербурга в Москву и получает его.

Как бы то ни было, Анисья доставила дяде немало огорчений как морального, так и материального плана, вынудив его потратиться на поездку в столицу и на дополнительные расходы по содержанию московского дома. Для того чтобы закон, защищавший сироту от самоуправства влиятельного родственника, вступил в силу, от пострадавшей потребовались сильный характер и готовность к решительным действиям, которыми был наделен в бытке образцовый драгунский генерал, и которые ему не довелось передать своим детям.

В июне 1741 г., всего через три месяца после смерти Ф. Г. Чекина, в Сенате слушалось дело по ходатайству жены Луки Чекина, «поручицы» Аксиньи Чекиной, об исследовании безденежной закладной имения ее дяди на князя Путятина³³. Речь шла о пасынке генерал-лейтенанта Иване Тимофеевиче³⁴. Практика передачи вотчин детям жены не по завещанию, а путем фиктивных закладных, поступающих затем новым владельцам в силу их мнимой просрочки, была распространенной³⁵, но незаконной.

Неизвестно, имела ли жена Луки основания мстить семье дяди, или просто завидовала богатым родственникам. Во всяком случае, младшие Чекины не стремились сохранить добрых отношений с его вдовой. Лука Чекин все же стал наследником генерал-лейтенанта, а вместе с тем и объектом нового ходатайства Анисьи о взыскании теперь уже с него денег по делу против дяди, решенному в ее пользу. То есть, иск о «бесчестье» она, по-видимому, выиграла, но материальной компенсации не получила. По мере развертывания в 1743–1745 гг. нового разбирательства, инициированного девицей Анисьей Чекиной (к слову, сохранившей

к этому времени свой статус, — напрасно Ф. Г. Чекин опасался недостойной шляхетской дочери брачной партии. — *И. Б.*) уже против Луки, вновь обнаружилась ее готовность не спускать своим обидчикам любого ранга. Стоит отметить и факт не столь уж распространенной в данный период (насколько позволяют судить опубликованные тексты большого комплекса завещаний и других семейно-правовых актов) среди женщин грамотности Анисьи, уверенным почерком расписавшейся в получении подлинного указа, а также и ее осведомленность о канцелярском порядке. В челобитной на высочайшее имя она, апеллируя к «настолярным» (то есть прописанным в Зерцале) законам, просила об отводе по ее делам «присудствующих» в юстиц-конторе асессора А. С. Извекова и прокурора В. И. Суворова. Их укоры просительницы в попытках разорить брата, которого она, по их словам, понуждает чуть ли не «в холопство отдать», не только ставят под сомнение правое решение по другим ее делам в той же конторе, но и оскорбляют само «присудствие» как «освященное место»³⁶, ведь решение об удовлетворении иска прописано в сенатском определении.

Идея реванша была реализована «девушкой с характером» и в совершенной ею покупке в 1744 г. доли собственности в селе Иванисове, некогда «резиденции» Ф. Г. Чекина и месте расправы над беззропотной сиротой³⁷.

Нельзя сказать, что Ф. Г. Чекин неизменно терпел от «самостоятельности» женщин, с которыми его сводила судьба. Он женился на вдове своего боевого товарища и подчиненного, полковника Луцкого полка князя Тимофея Путятина, урожденной Е. К. Бухвостовой³⁸. Родство Елены Кондратьевны с А. К. Толстой способствовало получению Ф. Г. Чекиным знаков внимания от Екатерины I (так, он в числе пяти генералов нес над нею балдахин на коронационной церемонии 1724 г.³⁹). Кроме того, «генеральша» обладала весьма значительной собственностью и деятельно приумножала благосостояние семьи путем приобретения новых имений. Генерал же отстаивал имущественные интересы не только жены и пасынка⁴⁰, но и, как упоминалось выше, близких ей лиц. Гораздо труднее оказалось поддерживать диалог со своими кровными родственниками на взаимоприемлемых для сторон условиях. Хотя на протяжении всей своей службы он, в соответствии с общепринятым обыкновением, покровительствовал и младшему брату, и впоследствии его сыну.

Практика службы братьев в одном полку, сублимация семейных начал в армейской среде в форме апелляций в сказках и челобитных на равенство со «своей братьею» в подтверждение достойного вклада в общее дело или правомерность личной обиды при неполучении одинакового с другими награждения, а также наименование «племянничими» (в отличие от «старых») окладов вновь зачисленных гвардейских чинов маркировали прочность военной корпорации.

Реинтеграция после отставки от воинской службы в свое «племя», основанное на «братстве» по крови, а не по оружию, не всегда проходила гладко⁴¹, родственный локоть мог и поддержать надежнее, и толкнуть больше посторонних. Характерно, что Ф. Г. Чекин, увидев на себя «посяшку» в Москве, отправился в Петербург. Конечно, он собирался подать прошение императрице, но также, по-видимому, надеялся на активацию своих связей, личных служебных связей, представлявшихся более надежными, чем родственные.

А. К. Байов, давая в своей «Истории русского военного искусства» характеристику А. Д. Меншикова, писал: «Занятый исключительно собой, человек чрезмерного самолюбия и честолюбия, чрезвычайно удачливый в делах... человек большого природного ума, с бесспорным военным талантом, широким глазомером, обладающий инициативой, даже риском и способностью многое взять на свою ответственность». Резюмируя перечень этих черт, историк делает вывод: «В общем, имел все качества прекрасного кавалерийского начальника»⁴². Перечисленные характеристики вполне применимы и к Ф. Г. Чекину.

Бесспорный талант «счастья баловня безродного» не спас его от погружения на пике карьеры в одно лишь стяжание новых богатств, при полной неспособности использовать недюжинные качества своей природы для постановки и воплощения задач истинно масштабных. Ф. Г. Чекин был всесторонне укоренен в системе родственных, соседских⁴³, деловых связей. Покинув военную стезю, он не остался «без службы⁴⁴, без жены, без дел». Со всем тем, без дела он ничем, кроме «наездов» на посягавших, как ему казалось, на его «шляхетскую» честь и имущество, заняться не сумел. Способные лихо опрокинуть противника, сохраняющие «нрав» и навыки атаки, отставные вояки — инициативные и решительные кавалеристы, возможно, более и скорее прочих не находили в мирных реалиях надежных ориентиров

среди «своих» и «чужих», не способны были выбрать высот себе по плечу.

¹ Тычино Н. Чекин // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Чаадаев—Швитков. С. 120—121. Далее: РБС.

² Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 306—308, 366—367.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2056. Л. 487—516.

⁴ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия: Сборник документов. В 2 т. / Сост. К. В. Татарников. М., 2015. Т. 1. С. 38—41. Далее: Офицерские сказки.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2056. Л. 487.

⁶ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Ед. хр. 1018. Л. 3—6.

⁷ Офицерские сказки. С. 40—41.

⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2056. Л. 487.

⁹ О материальной обеспеченности Ф. Г. Чекина при вступлении в службу, сведений нет. В сказке от февраля 1720 г. он говорит о владении 69 дворами, «купленными и взятыми в приданое», но не упоминает о родовой недвижимости. В то же время в сказке его брата, поданной полугодом позднее, отмечено наличие за ним (Артамоном) 6 дворов, «купленных и старинных», что позволяет предполагать «достаточность», но не богатство семьи. Офицерские сказки. С. 41, 522.

¹⁰ РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 28; Ф. 2. Оп. 13. Ед. хр. 1. Л. 139.

¹¹ Н. Тычино отметил весомость докладов Ф. Г. Чекина Сенату в период проведения переписи душ мужского пола и после нее, в частности в 1723 г., когда был поднят вопрос о статусе половников, и Петр I распорядился, чтобы лица, производившие переписи, сами пришли к какому-нибудь соглашению. Чекин один отставал и отстоял положение о не прикреплении половников к земле, что Сенат и узаконил в январе 1725 г. Позднее им внесены в Сенат доклады о необходимости внести в подушную перепись крестьян и раскольников Галицкого уезда и взять с них штрафные деньги за раскол; о собирании воинской подати деньгами с тех «душ», на которые не легла обязанность содержать войско натурой. РБС. С. 120.

¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 499. Л. 6—8.

¹³ РБС. С. 121.

¹⁴ Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. С. 637.

¹⁵ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 151. Л. 477; Л. 43; Ед. хр. 174. Л. 259; Ед. хр. 200. Л. 539; Ед. хр. 175. Л. 408—409; Ед. хр. 155. Л. 451 об.; Ед. хр. 234. Л. 529—530.

¹⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен: Сочинения в 18 кн. М., 1993. Кн. 10, т. 20. С. 493.

¹⁷ Сб. РИО. Т. 111. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731—1740 гг. Юрьев, 1901. С. 275.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1209. Дела старых лет. Ед. хр. 7679. Л. 9 об. — 40.

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 499. Л. 6—8.

²⁰ Сб. РИО. СПб., 1893. Т. 84. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1728. С. 280—281.

- ²¹ Статья закона, освобождавшая от строгого наказания за утайку душ «малолетних» помещиков и помещиц, подразумевала то обстоятельство, что самостоятельное проживание в своих деревнях шляхецких детей было одной из реалий того времени. При этом к малолетним относились лица мужского пола до 10 лет и женского — до 20 лет. ПСЗ. Т. 7. № 4343. С. 146.
- ²² РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2056. Л. 487—490 об.
- ²³ Там же. Л. 496.
- ²⁴ Переписная книга города Москвы: составлена в 1738—1742 годах. М., 1881. Т. IV. С. 48. № 461.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2056. Л. 496.
- ²⁶ Там же. Л. 503—504.
- ²⁷ ПСЗ. Т. 1. № 1. С. 154.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2056. Л. 488—488.
- ²⁹ Там же. Оп. 16. Кн. 985. Л. 973—975 об.
- ³⁰ Там же. Ф. 1209. Дела старых лет. Кн. 10767. Л. 161.
- ³¹ Там же. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2056. Л. 489—489 об.
- ³² Там же. Оп. 32. Кн. 2056. Л. 504—505.
- ³³ Сенатский архив. СПб., 1891. Т. IV. Журналы и определения Правительствующего сената за июнь, июль, август и сентябрь 1741 г. С. 17.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 1209. Дела старых лет. Ед. хр. 7681. Л. 35—36.
- ³⁵ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 811. Л. 6, 8—8 об.
- ³⁶ Там же. Ф. 248. Оп. 99. Кн. 7876. Л. 792а—801.
- ³⁷ Там же. Ф. 1209. Дела молодых лет. Ед. хр. 10797.
- ³⁸ Там же. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 985. Л. 978.
- ³⁹ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. М., 1789. Ч. 9. С. 95.
- ⁴⁰ Ф. 248. Кн. 2096. Л. 8—100.
- ⁴¹ Известен случай, когда поручик (впоследствии капитан) Викула Жеглов в 1723 г., отвечая на формальный вопрос, не знает ли он кого-то кроющегося от службы, назвал своего племянника. Донос не подтвердился, Е. Жеглов оказался слишком молод, но показательно, что дядя не только не питал к племяннику добрых чувств, но даже не знал, сколько ему лет. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 204. Л. 417—430.
- ⁴² Байов А. К. История русского военного искусства. М., 2008. Т. 1. С. 208.
- ⁴³ В 1734 г. Ф. Г. Чекин и «товарищи» выступал в числе «разных чинов людей», бивших челом о продлении сверх предусмотренного законом срока пребывания на воеводском посту в Переславль-Залесской провинции А. И. Зуева. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 718 об.
- ⁴⁴ В 1737—1739 гг. Ф. Г. Чекин был главой комиссии своего имени при Московской канцелярии набора драгунских лошадей, в 1740 — начале 1741 — в Сенатской конторе у взыскания на прошлые годы подушного сбора. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 152. Л. 589.